Елена МИХАЙЛИК

Елена Михайлик родилась в Одессе, окончила филологический факультет ОГУ. С 1993 г. живёт в Сиднее, преподает в университете Нового Южного Уэльса. Доктор философии, тема диссертации «Варлам Шаламов: поэтика новой прозы». Стихи и статьи публиковались в антологии «Освобожденный Улисс», журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Новый мир», «Новое литературное обозрение». Премия Андрея Белого в номинации «Гуманитарные исследования» (2019). Автор книг стихов «Ни сном, ни облаком» (2008), «Экспедиция» (2019). В «Волге» стихи публикуются с 2013 года.

***

Генетическая разница между двумя видами кукурузы
больше, чем между человеком и обезьяной.
Кукуруза уходит плакать за колхозные шлюзы,
возвращается пьяной.
Ничего, говорит, не помню, не жду, не знаю,
давно я подозревала, что я себе не родная.

Отвечает ей марь-трава, индийский сорняк, отчетливо, злобно:
может, не имеешь родства, зато ты съедобна,
птицам и мышам хороша, и любезна людям,
потому и дальше будешь дышать, когда мы не будем.

Кукуруза помнит долину, речную тину, солнце, клочья тумана,
всех, на кого натыкались корни – от Украины до родного Теуакана,
думает: без обмена материалом здесь обошлось едва ли,
а меня ж еще опыляли.
Значит есть родство, Дарвин в небе, в мире – порядок.
На вокзале купи початок, попробуй – сладок,
так, как в детстве, сладок.
И никаких загадок.

***

Понимаете, дети, для тех, кто в латыни плавает,
процедура ориентации по инферно воистину нелегка:
этот сукин сын хотел для выгоды вызвать дьявола,
а накликал – боевой эпидотряд ЧК.

Из Самары, из тумана, из двадцать первого,
от котлов с проваркой и тифозных огней,
от небывшей пайковой перловки со всеми перлами,
от воды, поднявшейся до городских корней.

Ошибиться нетрудно, но думать надо заранее,
прежде чем «ого te» превратится в такую мать –

ведь на дьявола существует процедура изгнания,
ну а с этими бесполезно и начинать.

Пентаграммы, замки не требовали усилия,
и уже по улице стелется дымный след.
дальше – далее по тексту и без Вергилия,
и на Блока – как все мы знаем – надежды нет.

***

Такая магнолия цветёт,
что пчелы висят на караул,
перечисляя в будущий мёд
прозрачный запах, протяжный гул –
такое лето, горят леса,
на месте массива – прочерк, пробел
и тонкая пепельная полоса
во льду и в меду, у тех, кто успел
собрать, что цвело у тех, кто успел
распахнуть запас, отложить запас
для тех, кто в этот раз не сгорел
или сгорел – но не в этот раз,
но в промеж-жутке вдохнет на свет –
небольшой урожай, хороший год:
жасмин, эвкалипт, перелёт комет –
ах какая магнолия цветёт.

***

Осени свет нерезкий, отблеск на самом дне,
«Прекрасная нивернезка» уже не вернется ко мне.
пламя во мраке ночи облаком заменя,
даже если захочет, не возвратится в меня,
мосты, черепица, птицы, люди, сентиментальный хлам –
некуда поместиться восьмидесяти томам,
недоглядной цензуре, простуженному окну,
детской температуре, чаю с лимоном, сну,
где в санаторной пещере, распробовав мед и яд.
юные пионеры читают про все подряд,
просыпаются, зная, что в тумане, как в парадном платке,
где-то баржа речная неизменно идет по чужой реке.
Только потом, гуляя, какое тысячелетье, полушарие, город, год,
обернуться и краем, краем глаза поймать невозможный на юге лед,
отражаясь, сияя, солнцем разрезана пополам
небольшая баржа речная деловито идет по своим делам,
не монтаж, и не врезка, не кино, не смещенье твоих когда,
просто «Прекрасная нивернезка» пройдет везде, где течет вода.

***

За второй звездой от большого универмага,
на окраине нашего рукава
осторожная моль сидит в шкафу и пожирает бумагу,
избегая тех участков, где есть слова.

Она знает что текст все равно изойдет до трухи
под воздействием производительных сил,
она не читает стихи –
но не любит чернил.

Целлюлоза организмом принимается благосклонно,
есть еще две папки, какой-никакой резерв,
но проблема в том, что смысл, в отсутствие фона,
поступает прямо на нерв –

и моль, тяжело дыша, тащит кружево в сканер,
укладывает, наваливается на кнопку, давай, пошел,
будем жить,
я с едой, ты с компьютерными – и газовыми – облаками –
всем хорошо.

***

Иоанн Богослов укладывает последнюю строчку, навылет, влет.
животные, все трое, и четвертое, которое он и есть,
глядят на него всеми глазами подряд,
воздевают их к свернутым небесам,
за которыми в настоящий момент виден только хрустальный лед,
а не благая весть,
и растерянно говорят:

– Ты, эстет, декадент, двоякий евангельский крокодил,
да в какой Бродячей Собаке ты этот ритм нашел,
ты зачем эту жуть во мраке им, злосчастным, нагородил –
ты не мог просто сказать: все закончится хорошо?

Иоанн Богослов отряхивает прилипший за ночь припев («и третий ангел…»):
– Ну будто я сам на Патмосе придумывал эту страсть,
всех этих всадников, чаши, трубы, несчетных прекрасных дев,
этих зверей, имеющих власть,
этот конец отсчета, озеро и провал, с заката и до восхода – кто его диктовал?
Ну я, допустим, истер в порошок
слои полыни и ржи,
любви, и возмездия, и катастрофы –
триллер, блокбастер, шок,
но это же люди, они не поверят в отдельное хорошо –

не смогут увидеть, как им ни расскажи…
Ведь за две тысячи лет ни одна душа…

Иоанн Богослов вздыхает, заливает жидкие слезы в тридцать четвертый глаз,
за углом дорогу рогами нащупывает трамвай,
разворачивает обратно свиток – Бетельгейзе сегодня особенно хороша –
и садится пить чай (а кто считает, что чая там нет, совершенно ошибочно представляет рай)
и думает – у меня непременно получится в этот раз.
Потому что все закончится хорошо.

***

Одну шведскую учительницу попросили
Написать учебник географии
Для начальных классов.
С тех пор местные жители почти перестали
Охотиться на диких гусей:
И жалко, и никогда не знаешь,
Какая окажется
Лауреатом нобелевской премии –
В полете не видно хромоты,
Оставленной полиомиелитом.
Один лифляндский красногвардеец
Взглянул на историю вокруг себя
И попытался с головой уйти в рыбоводство,
Но научный руководитель тут же приставил его
Писать пособие по энтомологии.
Естественно, для начальных классов.
Где-то там, в микроскопических зарослях
До сих пор гуляют изгнанные из рая
Оскар, Валентина и профессор,
И с этим ничего уже не могут поделать
Ни обстоятельства 1937 года,
Ни нетоварищ Сталин,
В лицо названный убийцей и оккупантом…
Один бывший коллежский секретарь
Начал переводить с английского сказку
Для младшего школьного возраста –
Сначала в сказке изменилось к лучшему все,
Включая, между прочим, Канзас,
Потом изменился он сам.
Впрочем, как выяснил его коллега,
Первопоходник и совершенно не бывший,
Андерсен производит точно такой же эффект,
Даже если просто пересказывать
Своими словами.
В общем, принимая заказ на что угодно,
Даже на политическую сатиру

Для напрочь нешкольного возраста –
Как было с одним ирландским священником –
Посмотрите, не появился ли в документах
Аккуратный – пусть и блеклый – фиолетовый штемпель.
Именно: «Волшебник».
Да, это необратимо.
Детские болезни, контузии,
Депрессия, глухота и безумие,
Гражданская война – и невойна, и негражданская –
Остаются.
Привкусом, оттенком, выбором слов.
Ничего не проходит.
Просто где-то – всегда – гуси взлетают с озера
И начинают путь на север,
А на траверзе Готланда
На стаю падает радужная тень
От парящего в небе острова.
Будет хороший день.

***

Что за осень! – не царский убор, не лазурь, не порфира –
красный, синий, зеленый, светла паутинная нить,
верно, Анна Андреевна там отыскала Шекспира,
упросила пластинку сменить.

До полуночи смерть не мешает ничьим разговорам,
стало прочным пространство и мокрой вода,
«Да чего тут уметь?» объясняет бессоннице ворон,
«Подгоняешь Леноре размерность, чтоб сделалась впору –
а потом как всегда».

Отзовется сова над невыстывшим медленным лесом,
отбивая для воздуха сутки – иль несколько суток,
загоняя за облако всю босховидную рать,
поразительно, сколько живого вмещает рассудок,
поразительно, сколько уместного тянет процессор,
если выставить фильтром Руссо буржуазный рисунок –
и держать. И держать.

***

Утомившись, раскат отошел за невидимый мол,
над стеклянной водой – металлический обод причала,
мы дошли до конца, и со дна поднялось одеяло –
трехметровый прекрасный взаправдашний скат-хвостокол.

Как он может нас помнить? Мы не были здесь целый год,

но встречает, глядит, так как рыбам смотреть не пристало…
потому что оно – мореплаватель (и одеяло),
всепогодный подводный защитный ковер-самолет.

Потому что причал – на заливе, во сне, на плаву,
свет бежит по камням, повторяемый солью и пылью,
где вода под водой раскрывает огромные крылья,
и всплывает как прежде – Привет! Ты живешь? Я живу.

Кто там ходит по небу и двигает звезды на дне?
Вот Чуковскому страшно, Тарковскому этого мало,
ну а мне в самый раз – мне навстречу плывет одеяло
по зеленой, соленой, пока – бесконечной волне.